

И. В. Нарский

«КРЕСТЬЯНСКУЮ ГОЛОВУ ВСЕ ГАЛКИ КЛЮЮТ»: КАК ПРЕДСТАВЛЯЛИСЬ УРАЛЬСКОМУ КРЕСТЬЯНСТВУ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

I. Narskiy

ALL JACKDAWS PECK PEASANT HEAD»: HOW REPRESENTED THE URAL PEASANTS ALTERNATIVE SCENARIOS OF THE RUSSIAN REVOLUTION?

В статье описаны основные повороты в отношении к деревне сменявших друг друга режимов, вербальные оценки крестьянами новых правителей, крестьянские попытки приспособить к своим нуждам «городские» духовные и светские институты и акции крестьянского протеста против несправедливого решения «продовольственного вопроса». Уральский пример свидетельствует в пользу версии, согласно которой у крестьян было собственное видение перспектив революции. Крестьянская оптика была настроена на автономию крестьянского мира от какого-либо вмешательства извне.

Ключевые слова: *русская революция, военный коммунизм, стратегии выживания, крестьянский протест.*

The article describes the main trends in relation of peasants to the successive regimes, peasant verbal assessment of the new rulers, peasant attempts to adapt to their needs «urban» religious and secular institutions, and shares the peasant protest against the unjust decision «of the food problem». Ural example favors the version according to which the peasants had their own vision of the future of the revolution. Peasant optics was set to autonomy of the peasant world from any outside interference.

Keywords: *Russian Revolution, War Communism, survival strategies, peasant protest.*

Весной 1917 г., вслед за Февральской революцией, уральские газеты сообщали, что местные крестьяне не только с энтузиазмом сдавали хлеб государству по твердым ценам, но и бесплатно поставляли его на нужды армии. Пресса пестрела сообщениями о доброжелательном отношении крестьян к началу продовольственной кампании и об их готовности прийти на помощь родине. Через пять с небольшим лет, в августе 1922 г., ГПУ фиксировало повышенную лояльность крестьян Южного Урала к введенному весной 1921 г. продналогу: «Отношение к единому натуралогу крестьянских масс хорошее. Наблюдались такие случаи, что крестьянин, еще не зная, сколько с него приходится налога, без всякого понукания по своей доброй воле вез и сдавал налог даже больше, чем его следовало, такие случаи были не одиночны, а их было много» [1, л. 74].

Такие и аналогичные наблюдения очевидцев за поведением (уральских) крестьян на протяжении 1917—1922 г. рождали законное, казалось бы, предположение, что сельское население активно поддерживало российскую революцию, радовалось переменам, содействовало той или иной революционной альтернативе. Эта, как будет показано ниже, иллюзия современников оказалась соблазнительной и для исследователей: сложилась

исследовательская традиция задаваться вопросом, кого же поддерживали крестьяне в русской революции — революционеров или их противников, «красных» или «белых».

Действительно, революция 1917 г. на Урале (в дореволюционных границах — в составе Вятской, Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний) протекала с особенностями, позволявшими, на первый взгляд, местным жителям, в том числе крестьянам, выбирать между многими альтернативными сценариями развития, предлагавшимися приходившими на смену друг другу историческими акторами. С осени 1917 г., на полгода ранее официально признанного историками начала Гражданской войны, она уже шла на Южном Урале, летом 1918 г. из региона были изгнаны большевики и Советы, осенью 1918 г. на смену антибольшевистским региональным правительствам пришел режим Колчака, который летом 1919 г. в ходе военных поражений покинул регион. С осени 1919 по весну 1921 г. Гражданская война фактически продолжалась в форме крупномасштабной крестьянской войны, исход которой решили не столько военные и репрессивные действия все еще слабой Советской власти, сколько голодное бедствие 1921—1922 гг. (в некоторых местностях Урала продлившегося с 1920 по 1923 г.).

Ряд исследований русской революции последних десятилетий убедительно показал непродуктивность упомянутой выше исследовательской традиции приписывать крестьян к одному из альтернативных сценариев русской революции, навязываемых деревне извне. При такой постановке вопросов историк неизбежно сталкивается с огромным количеством исключений из правила: историки, настаивавшие на преимущественной поддержке крестьянами «красных» или «белых», вынуждены были констатировать, что селяне сплошь да рядом поддерживали и их противников. Обилие исключений, сигнализирующее об ошибочной постановке вопросов, до сих пор не привело, однако, к отказу от нее.

Между тем, становится все более очевидным, что крестьяне имели собственную версию развития революции, поддерживая тех или иных «городских» ее участников только в тех случаях, когда отказ от поддержки был чреват большими неприятностями. Ниже на примере Урала я попробую показать наличие собственной крестьянской альтернативы революции. Для этого следует обозначить основные повороты в отношении к деревне сменявших друг друга режимов, вербальные оценки крестьянами новых правителей, крестьянские попытки приспособиться к своим нуждам «городские» духовные и светские институты и акции крестьянского протеста против несправедливого решения «продовольственного вопроса».

«Продовольственный вопрос»

в постановке политических конкурентов

За размыванием в годы Первой мировой войны рынка продукции массового спроса и ростом, вследствие этого, инфляции последовало нежелание крестьян продавать хлеб. Его дефицит вызвал государственные меры по регулированию цен, а введение в 1916 г. твердых цен на хлеб лишь усугубило стремление крестьян придержать его.

Замкнулся порочный круг, из тесных рамок которого не смогло вырваться и Временное правительство. В марте 1917 г. оно издало постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства», продолжившее практику царского режима. В соответствии с ним устанавливались порайонные твердые цены на зерновые культуры и хлебные продукты. Усилились обязательные изъятия из сельского хозяйства в пользу армии.

На протяжении 1917 г. монополия оставалась частичной, с сохранением свободной торговли хлебом. При этом свободный рынок хлебов сокращался. Нехватка хлеба на Урале стала ощутимой весной — летом 1917 г., а в августе Пермская губерния впервые столкнулась с острым продовольственным кризисом.

Сопrotивление крестьян сдаче хлеба спровоцировало практику произвольных реквизиций, первая волна которых прокатилась по Уралу на рубеже 1917 — 1918 гг. В сельской местности рыскали продовольственные отряды, отнимая у крестьян якобы излишки продуктов. Реквизиции в советской зоне Урала были хаотичны и сопровождались жестокими репрессивными мерами, включая незаконные аресты и расстрелы.

На территориях, находившихся под контролем не признавшего советскую власть Оренбургского казачьего войска, сельскому населению также не удалось избежать обязательных изъятий сельскохозяйственной продукции, хотя правительство атамана А. И. Дутова, в отличие от властей советской зоны Урала, попыталось строго регламентировать объем и порядок сдачи хлеба [2].

В мае 1918 г. ВЦИК опубликовал декрет о продовольственной диктатуре, который причудливо соединил в себе представления большевиков о социалистическом переустройстве и реакцию на горькую российскую реальность, в которой большевистскому государству не оставалось ничего иного, как ужесточить продовольственную линию царского правительства 1916 г. и Временного правительства 1917 г.¹ В силу слабости местного государственного аппарата на Урале политика реквизиций оставалась хаотичной, а на Южном Урале, после временного вытеснения с его территории казаков А. И. Дутова летом 1918 г., реквизиция «красными» сельскохозяйственной продукции у местного населения приобрела характер карательной акции.

В июле 1918 г. сменившие большевиков в Сибири, на Урале и в Поволжье региональные правительства приняли законы, регулировавшие аграрные отношения и пытавшиеся учесть последствия земельного передела. Временное областное правительство Урала заняло достаточно осторожную позицию. Согласно пункту 11 принятой 19 августа 1918 г. декларации земля должна была оставаться в руках фактических пользователей до разрешения аграрного вопроса Учредительным собранием [4]. Сменивший уральское областничество колчаковский режим в декларации от 8 апреля 1919 г. согласился с правом временного использования захваченных земель с перспективой справедливого распределения, но вместе с тем признал недопустимыми и уголовно наказуемыми дальнейшие захваты. Окончательное решение земельной проблемы откладывалось новым правительством, как и предыдущим, до созыва Всероссийского форума учредительного характера — Национального собрания [4, с. 100—101].

Гораздо большее впечатление, чем попытки нормативного регулирования земельного вопроса, производила на крестьян практическая линия антисоветских правительств в отношении деревни, которая оставалась неизменной: в условиях Гражданской войны ни один режим, вне зависимости от его политической окраски и заявленных целей, не мог обойтись без чрезвычайных мероприятий — контрибуций, конфискации и повинностей, помноженных на своеволие и злоупотребления военных и гражданских властей и отдельных их представителей.

Надорванная всевозможными поборами, мобилизациями и обязательствами времен Гражданской войны деревня и после ее окончания оставалась объектом вымогательства и террора в рамках политики «военного коммунизма». К уральскому сельскому населению был применен декрет о разверстке

¹ Подробно о большевистской политике в деревне в период «военного коммунизма» и о крестьянской реакции на нее см. [3].

от 11 января 1919 г., предполагавший, в отличие от декретов 13 мая и 30 октября 1918 г., при изъятии у крестьян сельскохозяйственных продуктов исходить не из имеющихся у них запасов, а из государственных потребностей [5; 19; 20]. Наказания за уклонение от разверстки мало чем отличались от санкций периода войны [25, с. 293].

Несмотря на грозный тон большевистских распоряжений, формирующийся на ходу аппарат новой власти на Урале был не в состоянии претворить их в жизнь. Продразверстки 1919 и 1920 гг. выполнить не удалось [6, с. 46].

Выход из тупика был, как казалось, найден весной 1921 г. в политике перехода от внеэкономических методов регулирования сельскохозяйственного производства к рыночным [7, с. 245—247, 283—285].

Реализация задач перехода к новому аграрному курсу оказалась, однако, отнюдь не простым делом. На пути претворения НЭПа в жизнь встали труднопреодолимые препятствия — наследие разверсток прежних лет, обобравших крестьян до нитки, помножилась на неурожай 1921 г. и негибкость государственного аппарата, проводившего «новую экономическую политику» старыми, «военно-коммунистическими» методами. Продналог и по структуре, и по методам сбора первоначально мало чем отличался от продразверстки¹. Неудивительно, что крестьяне не видели разницы между продналогом и продразверсткой или считали его тяжелее прошлых реквизиционных мер.

За исключением Екатеринбургской губернии, Урал с задачей продналога не справился, что подтверждает несоответствие планов по его сбору реальным условиям. Всего на Урале на январь 1922 г. было собрано 75,7% продналога, что, правда, существенно выше общероссийского показателя (53,3%) [9, с. 96].

Выбор в пользу очередной власти каждый раз оборачивался для крестьян новыми бедствиями. Массово поддержав противников большевизма летом 1918 г., а год спустя отказав им в помощи, сельские жители с горечью обнаруживали, что каждая новая власть, несмотря на обещания, интересовалась лишь выкачкой продовольственных и людских ресурсов из деревни. Не увидели уральские крестьяне (и казаки) альтернативы «военному коммунизму» и на первом году НЭПа, поскольку насильно собираемые продналог 1921 г. в условиях тяжелого голода казался крестьянину хуже продразверсток 1919 и 1920 гг.

Крестьяне о «белых» и «красных»

Как реагировала уральская деревня на повороты аграрной политики в 1917—1921 гг.? Основную линию выживания деревни образовывало стремление оградиться от внешнего вмешательства, свести до необходимого минимума внешние контакты и самостоятельно решать возникающие проблемы.

¹ По справедливому замечанию М. Венера, преобладание военно-административных методов решения крестьянского вопроса в 1921—1923 гг. позволяет усомниться в корректности характеристики этого времени как начала «новой экономической политики» [8].

Высказывания самих крестьян (включая поговорку, использованную в заглавии статьи) ясно свидетельствуют о том, насколько те не доверяли кому-либо из новых властителей.

Летом 1919 г. 63-летний рабочий из Сатки Т. И. Мамыкин жестоко поплатился за откровенное выражение своего отношения к отступавшим «белым»: «... в июне 1919 г. он был забран белыми в проводчики и по возвращении трижды должен был, по требованию отступавших белых отрядов, не доезжая домой, снова отвозить белых; видя, что так он никогда не вернется, — Мамыкин в конце концов завел лошадь в кусты, а сам пошел домой горами. Вскоре в этот район вступили красные, и Т. Мамыкин отправился за своей лошадью; неожиданно он наткнулся на отряд отступавших белых с нашими красными бантами; на их вопрос: “Ты, товарищ, не видел ли здесь белых разведчиков”, — он, думая, что имеет дело с красными, искренне ответил: “Их теперь далеко к черту прогнали”. “А ты куда пошел?” “Да вот от них, чертей, спрятал лошадь, теперь за ней иду”. Тогда белые старика отпороли нагайками и казнили» [10, с. 65; 26, л. 194].

Не лучшего мнения были уральские сельские жители и о пришедших на смену колчаковцам коммунистам. В 1920 г. военная цензура перехватывала письма из уральских губерний, содержавшие высказывания типа следующих:

Екатеринбургская губерния, 1.08.1920:

«Жизнь действительно — полный беспорядок, людей замучили эти проклятые коммунисты, в Урал гонят рубить дрова и в подводы, отбирают скот, почти все стараются съездить за хлебом в Казань, а коммунисты по дороге грабят, последнее сваливают. Покосов тоже нигде не дают. Вообще от наших коммунистов жизнь стала невозможной».

Пермская губерния, 6.08.1920:

«У нас в деревне беспорядки, пришли раз солдаты и увели у нас корову молоденькую, накладывают очень большие налоги. Если есть в амбаре пуд муки, то полпуда отбирают. Не знаем, как и жить, очень плохо... <...> Слово сказать сейчас нельзя, а то арестуют. Еще у нас отбирают картошку и яйца. Петя, эта власть очень плохая».

Вятская губерния, декабрь 1920 г.:

«Беда с житьем — все теребят коммунисты: отдай, да коммунисты наехали злые» [11, л. 29; 21, л. 194; 22, л. 236.].

Однако столь откровенные высказывания в адрес сменявших друг друга властей по понятным причинам встречаются в источниках крайне редко — именно из-за риска поплатиться за них, как это произошло с рабочим Мамыкиным. Желая держаться от «городских» правителей подальше, крестьяне приспосабливали к своим актуальным нуждам старые и новые институты — будь то церковь, земства или Советы.

«Приручение» крестьянами «городских» институтов

Весной — летом 1917 г. на Урале сельские приходы зачастую пытались поставить священнослужителей в зависимость от общины. Они принимали решения, согласно которым назначаемые священники до-

пускались к исполнению своих обязанностей только с согласия и одобрения прихода. Прежние священники могли быть приходом отвергнуты. Денежные средства церкви впредь можно было расходовать также только с разрешения церковной общины. В результате, по жалобам покидавших свои приходы священнослужителей, жизнь священника старого образца в общине становилась невыносимой: в условиях верховенства прихода говорить правду было трудно, так как риск потерять место в обстановке конкуренции со стороны новоиспеченных, готовых «продаться» подешевле и потакать приходу священников был очень велик [12].

В итоге крестьянам на общинном уровне, вероятно, удавалось выпестовать «ручную» церковь, о чем свидетельствует, например, следующий эпизод, произошедший летом 1918 г. в Вятской губернии. По решению Мушакковского волостного схода Елабужского уезда Вятской губернии 6 апреля 1918 г. крестьянам поселка Чемашура был передан в пользование участок земли при селе Ермолаево. Это решение имело для чемашуринских крестьян самые неожиданные последствия. Когда они собрались 29 июня для распашки отведенной им паровой земли, жители Ермолаева уничтожили межи и изрубили сохи в щепки. Вслед за этим Ермолаевский сельский комитет объявил жителям Чемашуры, чтобы те впредь не привозили тела умерших на их кладбище. Причт Троицкой церкви в Ермолаеве в составе двух священников и двух псаломщиков в ответ на отчуждение земли у ермолаевских крестьян заявил, что не считает прихожан из Чемашуры сынами православной церкви и отказывается исполнять для них требы. Уже на следующий день, 30 июня, одному из чемашуринцев было отказано в крещении ребенка [13].

Не менее успешно крестьяне подминали под себя земские органы. Земские собрания на подконтрольных «белым» территориях оказались нежизнеспособными — «в волостях возникло стихийное самоуправление в виде волостных и сельских сходов, над которыми, в отличие от дореволюционных, не довел полицейский аппарат» [14, с. 184.]. Исполняющий обязанности товарища министра Временного Сибирского правительства в августе 1918 г. озабоченно докладывал о катастрофическом положении земств на Урале и в Зауралье. Речь шла не только о бедности земских органов, но и о том, что крестьянство ломало систему самоуправления изнутри: волостные земства на практике подменялись волостными собраниями, выбывающие гласные заменялись не кандидатами по спискам, а вновь избранными на волостных собраниях, без участия остального населения. Состав волостных земских управ также определялся не земским, а волостным собранием. Крестьянская общинная практика, таким образом, восторжествовала. «При таком положении вещей, — подводился итог в докладной записке, — утрачивается сама идея земства и под видом земства продолжает существовать прежняя волость со своими специфическими особенностями...» [15, с. 195].

В «красной» зоне Урала аналогичные метаморфозы переживали Советы. На деле решающее слово в деревне оставалось за более крепкой ча-

стью крестьян, которые нейтрализовали Советы и приспособливали их к собственным нуждам. Одна из уральских газет жаловалась, что с началом реквизиций в деревне «в Советы да комитеты лавиной прут кулаки и мироеды». Преобладание в низовых органах власти явно «несоциалистической» по материальному статусу части сельских жителей было предметом жалоб местных коммунистов в пермской глубинке. В сентябре 1918 г. они жаловались в Москву на невозможность работать в Усольском уезде, где среди ответственных работников доминировал «антисоветский элемент» [16, л. 43].

Итак, на развалинах насаждавшихся государством во второй половине XIX в. земских органов — очагов «цивилизованного» самоуправления и городской культуры — и Советов, этого скороспелого плода недавних революционных экспериментов социалистических партий, торжествовал патриархальный крестьянский сход, подминавший под себя и до неузнаваемости деформировавший все экспортируемые городом в деревню институты «окультуривания».

Аналогичные трансформации переживало в деревне и право. Недоверие населения к ослабленной революцией власти, неспособной защитить личную собственность, проявилось в распространении самочинных расправ с преступниками. Многочисленными фактами самосуда — одного из патриархальных инструментов регулирования отношений в крестьянской общине — уральские газеты пестрели весь период с 1917 по 1922 г. Уральские чекисты адекватно оценивали причины популярности самосудной практики: «Пойманных на месте преступления воров население старается убить, не передавая таковых суду, так как большинство населения говорит, что Советская власть покровительствует ворами, освобождая их от заслуженного наказания совсем или же дает наказания самые незначительные» [16, л. 38].

Как видим, многое говорит о том, что деревня отнюдь не металась между «красными» и «белыми», сопоставляя и выбирая наиболее приемлемую для себя власть, а словно бы угрюмо замыкалась в себе, упрямо пытаясь свести к минимуму пагубное вмешательство и тех, и других, сохранить и усилить нечаянно подаренную революцией автономию от любой внешней силы.

Крестьянский протест на Урале

Сопrotивление деревни государственной хлебной монополии пронизывает весь период с ее введения в 1916 г. по 1921 г. Однако первоначально оно практиковалось преимущественно в формах сокращения хлебных запасов, незаконного изготовления и торговли самогоном в условиях введения сухого закона 1914 г. После «черного передела» и введения большевиками продовольственной диктатуры к этим стратегиям сопротивления прибавились утайка реальных размеров обрабатываемой земли и сокращение засеваемых участков, а во время боевых действий на Урале 1918—1919 гг. и особенно после их окончания — сопротивление реквизициям продовольствия, достигшее апогея в вооруженных восстаниях 1920—1921 гг.

Крестьянская «идеология» сопротивления политике силового вмешательства в жизнь деревни строилась в рамках канонов «моральной экономии» [17]. Крестьяне использовали образы несправедливой власти, нарушающей принципы справедливости. Причины бедствий объяснялись ими или в религиозных категориях, с помощью мифа о пришествии Антихриста, или с апелляцией к коллективной памяти о крепостничестве, вновь вводимом советской властью, или посредством использования официальной большевистской риторики, на основе предположения, что коммунистическая партия оказалась во власти белогвардейцев¹.

Наибольшие хлопоты советской власти создавало повстанческое движение крестьян и казаков в 1920—1921 гг., отражавшее тот факт, что эти категории населения наиболее пострадали в российской революции и дольше других недооценивали репрессивные возможности новых правителей. Повстанчество отличалось большой жесточечностью и опиралось на разнородный опыт, накопленный крестьянством на протяжении веков. Повстанцы использовали примитивное вооружение — в том числе косы, топоры, ножи, самодельные пики, с которыми восставшие отчаянно дерзко шли против винтовок и пулеметов — и архаичные формы крестьянской войны. Как писал современник и авторитетный знаток военных коллизий на Урале, «крестьянство поднималось “валом”, проводило поголовные мобилизации восставших волостей и двигалось в направлении враждебного пункта массовыми волнами, точно так же, как это было во времена пугачевщины» [18, с. 178]. Вместе с тем, материально-организационная архаика сочеталась с новейшим опытом подготовки и ведения боевых действий, вынесенным с фронтов мировой войны [18, с. 188—189].

Кого же поддерживали крестьяне в русской революции? Чей сценарий ее развития был им близок? Уральский пример свидетельствует в пользу версии, согласно которой у крестьян было собственное видение перспектив революции. Крестьянская оптика была настроена на автономию крестьянского мира от какого-либо вмешательства извне. Крестьянский сход, согласно этому видению, торжествовал над прочими светскими и религиозными институтами, именно он и должен был решать вопросы о политических, хозяйственных, правовых и культурных контактах с внешним миром.

Каждый поворот революции подтверждал крестьянское убеждение в необходимости держаться подальше от (городских) властей и как можно герметичнее замкнуться в собственном мире, выстроенном на принципах «моральной экономии». Однако попытки с оружием в руках отстаивать свое автономное существование в 1918—1921 гг. были прерваны беспрецедентным голодом 1921—1922 гг., который еще раз убедил крестьян в пагубности внешнего вмешательства в жизнь сельского мира, и в его неспособности (и нежелании) прийти на помощь сельским жителям в трудную минуту. Как и другие

¹ Подробнее об образцах толкования современников революции и Гражданской войны на Урале см. [9, с. 400—442].

категории населения, крестьяне во имя выживания вынуждены были прибегать в дальнейшем к незаконным, но скрытым от посторонних глаз моделям адаптации в неблагоприятных обстоятельствах, отказавшись от демонстративного недовольства и от надежд на осуществление крестьянской версии революции.

Литература и источники

1. ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 499.
2. Южный Урал. — 1917. — 14 нояб..
3. Павлюченко, С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы / С. А. Павлюченко. — М., 1997. — С. 61—142.
4. См.: Кобзов, В. С. Государственное строительство на Урале в 1917—1921 гг. / В. С. Кобзов, Е. П. Сичинский. — Челябинск, 1997. — 232 с.
5. См.: Декреты Советской власти. Т. II. — М., 1959. С. 261 — 264;
6. См.: Метельский, Н. Н. Деревня Урала в условиях военного коммунизма (1919—1921 гг.) / Н. Н. Метельский. — Свердловск, 1991. — 176 с.
7. См.: Декреты Советской власти. Т. XIII. — М., 1989.
8. См.: Wehner, M. Bauernpolitik im proletarischen Staat: Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik 1921—1928 / M. Wehner. — Koeln ; Weimar ; Wien, 1998. — S. 156.
9. См.: Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917—1922 гг. / И. В. Нарский. — М., 2001. — 632 с.
10. Шапулин, С. Годы борьбы / С. Шапулин // Октябрь на Южном Урале. — Златоуст, 1927.
11. ГАНИПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 53.
12. Известия Екатеринбургской церкви. — 1917. — 1 июня.
13. Известия (Вятка). — 1918. — 30 июля.
14. Жукова, Н. И. Структура местных учреждений в Зауралье с июня по ноябрь 1918 года / Н. И. Жукова // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сб. — Вып. 1. — Курган, 1990. — С. 171—184.
15. Гражданская война на Южном Урале : сб. документов и материалов. — Челябинск, 1962. — 448 с.
16. ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6.
17. См.: Thompson E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century / E. P. Thompson // Past and Present. — 1971. — P. 76—136.
18. Подшивалов, И. Гражданская борьба на Урале. 1917—1918 (опыт военно-исторического исследования) / И. Подшивалов. — М., 1925. 192 с.
19. Декреты Советской власти Т. III. — М., 1964. С. 469 — 472;
20. Декреты Советской власти Т. IV. — М., 1968. С. 292 — 294.
21. ГАНИПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 226.;
22. ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165.

References

1. Joint State Archive of the Chelyabinsk region (OGA-CHO). F. 77. Op. 1. D. 499.
2. South Ural. 1917. November 14.
3. Pavlyuchenko S. A. *Voennyi kommunizm v Rossii: vlast' u massy* [Military Communism in Russia: the Power and Populace]. Moscow, 1997. Pp. 61 — 142.
4. Kobzov V. S., Sichinskiy E.P. *Gosudarstvennoe stroitel'stvo na Urale v 1917—1921 gg.* [State Building in the Urals 1917 — 1921]. Chelyabinsk, 1997. 232 p.
5. *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of Soviet power]. Vol. 2. Moscow, 1959.

6. Metel'skii N.N. *Derevnya Urala vo vremya voennogo kommunizma (1919-1921)* [Urals Village under War Communism (1919-1921)]. Sverdlovsk, 1991. P. 46.
7. *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of Soviet power]. Vol. XIII. Moscow, 1989.
8. Wehner M. *Bauernpolitik im proletarischen Staat: Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik 1921-1928*. Koeln; Weimar; Wien, 1998. S. 156.
9. Narskiy I.V. *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917-1922 gg.* [Daily Life in the Catastrophe: Daily Life in Ural 1917-1922]. Moscow, 2001. 632 p.
10. Shapurin C. *Gody bor'by. Oktyabr' na Yuzhnom Urale* [Years of Struggle. October in the South Ural. Zlatoust, 1927.
11. Gosudarstvenny Arkhiv Noveyshey istorii Permskoy oblasti [State Archive of Contemporary History of the Perm Region] (GANIPO). F. 557. Op. 1. D. 53.
12. *Izvestiya Ekaterinburgskoy tserkvi* [News of the Yekaterinburg Church]. 1917. June 1.
13. *Izvestiya* [News] (Vyatka). 1918. July 30.
14. Zhukova N.I. *Struktura mestnykh uchrezhdeniy Zaural'ya s iyunya po noyabr' 1918 goda. Zemlya Kurgan-skaya: proshloe i nastoyashee: Kraevedcheskiy sbornik.* [The structure of local institutions in the Ural from June to November 1918. Land Kurgan: Past and Present: Local History Collected papers]. Vol. 1. Kurgan, 1990. S. 171-184.
15. *Grazhdanskaya vojna na Yuzhnom Urale: Sbornik Dokumentov v materialov* [The Civil War in the South Urals: Collected documents and materials]. Chelyabinsk, 1962. 448 p.
16. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti [Documentation Centre of public organizations of Sverdlovsk region] (TsDOOSO). F. 4. Op. 1. D. 6. L. 43.
17. Thompson E.P. *The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century. Past and Present.* 1971. Pp. 76-136.
18. Podshivalov I. *Grazhdanskaya bor'ba na Urale. 1917 — 1918* [Civil Warfare in the Ural. 1917 — 1918 (Attempt of Military Historical Research)]. Moscow, 1925. 192 p.
19. *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of Soviet power] Vol. 3. Moscow, 1964.
20. *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of Soviet power] Vol. 4. Moscow, 1968.
21. Gosudarstvenny Arkhiv Noveyshey istorii Permskoy oblasti [State Archive of Contemporary History of the Perm Region] (GANIPO). F. 557. Op. 1. D. 226.
22. Centr dokumentatsii noveyshey istorii Kirovskoy oblasti [Documentation Centre of Contemporary History of the Kirov Region] (TsDNKO). F. 1. Op. 1. D. 165.

Поступила в редакцию 4 февраля 2014 г.

НАРСКИЙ Игорь Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории, директор НОЦ «Культурно-исторические исследования», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), автор более 200 публикаций на пяти языках. Сфера научных интересов: история России XIX—XX вв., методология истории, культурная история памяти, опыта, визуального. E-mail: inarsky@mail.ru

NARSKIY Igor — Prof. Dr. Director of Center for Cultural History Studies South Ural State University (Chelyabinsk), author of over 200 publications in five languages. Research interests: history of Russian XIX—XX centuries., Methodology of history, cultural history of memory, experience, visual. E-mail: inarsky@mail.ru